

Плод одуванчика-шара

Фарфаноэрс стоял у окна, глядя вниз на замок. Жизнь внизу напоминала грандиозную, пёструю постановку, где каждый актёр исполнял свою неповторимую роль. Пейзаж за стеклом расплывался в молочно-белой дымке его собственного дыхания, но сквозь этот туман можно было различить суету во внутреннем дворе: слуги таскали тяжёлые вёдра, рабочие спешно возводили навесы над оранжерейными грядками, кто-то перерезал ножом гибкие лианы, используя длинные стебли вместо веревок, а снаружи размашисто работали лопатами, расчищая снег. День выдался погожим, снегопад ненадолго утих, и люди спешили закончить дела, пока небо не разродилось новой метелью — лишний раз мёрзнуть никому не хотелось. Безмолвная белизна равнин и застывшие ледяные жилы рек поначалу вызывали восторг; по крайней мере, для многих это зимнее очарование ещё не успело померкнуть.

На зимних полях уже взошёл первый урожай ледяной полыни. Преимущество этой культуры заключалось в том, что она почти не требовала заботы — идеальный вариант для ленивого пахаря. В отличие от своих нежных сородичей, ледяная полынь была крайне неприхотлива: способное выжить в лютую стужу растение само находило путь к жизни. Впрочем, время от времени сорняки всё же приходилось вырывать. Тонкие, похожие на кристаллы синие иглы её листьев были прозрачными и чистыми; лунный свет легко пронзал их, заставляя серебристый ворс на поверхности сиять, обнажая изящный рисунок прожилок. Благодаря этой скудной растительности снежная пустошь не казалась совсем уж мертвенно-бледной. В глубине же гор, среди окутанных пеплом деревьев, царила иная тишина — безмолвие глубокого сна. Фарфаноэрс поймал себя на мысли, что пора бы вновь запланировать вылазку, если представится удобный случай.

Второе воскресенье Сезона белого тумана ознаменовалось несколькими важными событиями. Тётушка Брим и дядюшка Жак общими усилиями соорудили несколько ледников под открытым небом. Зима едва вступила в свои права, но холод стоял такой, будто он поселился здесь на добрую сотню лет. Брим только диву давалась: свежезаваренный чай застывал в кружке прежде, чем к нему успевали прикоснуться губами.

Зато теперь пойманная рыба и дичь нашли своё пристанище; люди с тихим удовлетворением взирали на груды замороженных припасов и доверху набитые склады.

Переселение из мельницы (мельницы) тоже подходило к концу. Вместе с этим завершилось строительство двадцати обещанных деревянных домов. Их островерхие крыши, окрашенные в неброские тона — от цвета спелой сливы и палевого абрикоса до нежной слоновой кости, — удивительно гармонично вписались в сумрачный зимний пейзаж, напоминая колпаки волшебников из старых сказок. Фарфаноэрс строил их не ради красоты, но после тщательного осмотра признал: первые двадцать жилищ вышли на славу.

— Объявите всем: те, кто желает переехать, могут занимать свои места.

Первыми, разумеется, вызвались те, кто из-за нехватки мест в замке ютился в продуваемых всеми ветрами лачугах или в шумных помещениях мельницы. Мужчины заселялись в одни большие дома, женщины — в другие. Вместо бесконечных рядов общих нар в новых жилищах появились просторные общие комнаты с очагами, над которыми на цепях висели тяжёлые котлы для похлёбки. Было здесь и личное пространство, отделённое перегородками... Конечно, тонкие доски не могли скрыть всего, но от ночного храпа соседа спасали, а в остальном людям предстояло притираться друг к другу самим.

Следом за ними потянулись «новые семьи» или те, кто прибыл сюда с роднёй. Таких оказалось немного: деревянные купоны копились медленно, да и многие рассудили, что в холода выгоднее оставаться в общих спальнях замка, чем самим заготавливать горы дров для камина. К тому же лорд обещал, что строительство будет продолжаться, и многие решили повременить, выжидая лучших условий.

— А те, кто съедет, по-прежнему смогут питаться в замке? — полюбопытствовала Хельзе. Саму её этот вопрос не касался: статус экономки обязывал её жить при лорде, в собственной спальне. Впрочем, соседство с Клафной её ничуть не тяготило.

— Они всего лишь переехали в деревню, а не расторгли со мной контракт. Работа остаётся работой, а те, кто трудится на меня, имеют право обедать в нашей столовой, — ответил Фарфаноэрс. — Впрочем, если захотят готовить сами — я не против.

Выбор, однако, был очевиден: все предпочитали замок. Это избавляло от лишних хлопот, да и стряпня Гуся-монстра была на редкость недурна. Деревня расположилась у самого подножия холма, на котором высился замок: до полей было пять минут ходу, до крепостных ворот — не больше десяти. Расстояние по местным меркам смехотворное.

Кроме того, Фарфаноэрс особым указом разрешил брать еду навынос для стариков, оставшихся дома. При этом он ледяным тоном добавил, обводя собравшихся суровым взглядом:

— Надеюсь, никому не придёт в голову хитрить. Полагаю, мне не нужно напоминать вам о том, что случается с теми, кто злоупотребляет моим доверием.

— Разумеется, милорд! О чём речь!

В итоге из двадцати домов после всех распределений остались свободными один большой и пять малых. В честь новоселья Фарфаноэрс распорядился выделить каждой семье вязанку дров для обогрева, но на этом щедрость закончилась — дальше им предстояло копить припасы самим. Замок тоже потреблял огромное количество топлива, и дров, как самого ходового ресурса, вечно не хватало.

«Нужно повышать эффективность использования...» — размышлял лорд. Производство древесного угля казалось отличным выходом, но, к его глубокому разочарованию, в этом странном мире процесс шёл из рук вон плохо.

Он вспомнил, как ещё в Сезоне серого тумана в порыве досады рисовал в своём блокноте в мягком зелёном переплете бесконечные круги. Кривые, уродливые, они походили на куски угля. Фарфаноэрс долго сверлил их взглядом, после чего велел пустить десять фунтов древесины на эксперименты. Как ни странно, многие здесь даже не знали, что такое уголь. Гвидостурия, впрочем, был осведомлён; он называл его «чёрным золотом» и считал искусство превращения дерева в уголь древним забытым ремеслом.

К сожалению, даже при строгом соблюдении технологии и после уничтожения целой горы леса на выходе получались лишь жалкие крохи этого самого «золота». Складывалось впечатление, что здешняя древесина отчаянно сопротивляется превращению в уголь. Поначалу Фарфаноэрс грешил на отсутствие мастеров, но даже Гвидостурия признал: «Тут не мастерство нужно, милорд, а просто следование рецепту». Когда же в замок прибыли люди, имевшие опыт работы с плавильными печами, и после десятка попыток потерпели фиаско, лорду пришлось временно оставить эту затею.

Трудно было сказать, чего именно не хватало — особого ли ингредиента или какого-то тайного шага, ведь даже огонь здесь разводили с помощью орхидей. Что ж, пока не удастся наткнуться на залежи настоящего угля, придётся довольствоваться дровами...

Впрочем, сидеть сложа руки Фарфаноэрс не собирался.

— Энергия способна к трансформации, — наставительно произнёс однажды Гвидостурия. — Согласно закону сохранения... Место это хоть и причудливое, но законы в нём есть. Энергия питает руны, и в этом свете чудеса перестают казаться недостижимыми.

— Есть ли руны, способные повысить КПД? — спросил Фарфаноэрс. — Чтобы на единицу затрат получать вдвое, втрое больше тепла. Но ведь активация руны сама по себе требует энергии... Руна — лишь посредник, преобразователь.

— Именно так. Энергия трансформируется, руна служит лишь проводником, а суть — в силе души того, кто её направляет, — алхимик прищурил свои мутные серые глаза и заговорил медленным, старческим голосом: — Представим, что затраты души можно восполнить, как работник восстанавливает силы после тяжёлого дня за добрым обедом. Но что, если это невозможно?

«Это как разница между тратой маны и потерей здоровья», — подумал Фарфаноэрс. В этом вопросе он ощущал странную, почти инстинктивную уверенность, словно эти знания были заложены в нём давным-давно.

— Я склоняюсь к тому, что восполнить их можно. Ведь тратится лишь возобновляемая часть...

Фарфаноэрс осёкся на полуслове.

«А та часть, что не возобновляется...»

Он не мог вспомнить. Мысль ускользнула.

Оставив бесплодные размышления, он решил поручить Гвидостурии разработку руны, уменьшающей расход материалов. К сожалению, алхимик был человеком настроения: то медлил неделями, то впадал в такой раж, что выдавал по три открытия за два дня. Фарфаноэрс оставалось лишь смириться.

В конце концов, он был единственным специалистом такого уровня, и лорду приходилось его беречь.

После массового переезда в замке долго царила праздничная атмосфера, но вскоре пошли первые жалобы. В сезон холодов дух людей слабел, а вместе с ним и тела обитателей Преисподней начали давать сбои. У кого-то кожа пошла трещинами, кто-то не переставал кашлять. По таким пустякам никто не осмеливался беспокоить вечно занятого лорда. Лишь когда Фарфаноэрс в третий раз услышал, как кто-то, поздоровавшись, тут же принимается вполголоса сетовать на зуд и боль, он поправил свою меховую накидку и позвал одного из слуг.

— Как давно это началось?

Хельзе лишь беспомощно улыбнулась:

— Пожалуй, с самого начала зимы...

Стоявшая за её спиной Клафна, как всегда безмолвная, внезапно подняла руку, словно на что-то намекая. Фарфаноэрс мгновенно всё понял.

— Твои руки, — он опустил взгляд. — Покажи.

Черноволосая женщина вздрогнула — она и не подозревала, что её «хвостик» её выдаст! Помявшись, она стянула тёплые рукавицы. Её тонкие пальцы были покрыты обморожениями (обморожениями) и едва затянувшимися трещинами.

Вот в чём главная беда зимы. Фарфаноэрс осмотрел её руки; исцелить такое магией он не мог.

— ...Старайся держать их в тепле.

Он не знал, что ещё добавить. Клафна часто закивала, её серьги тихонько зазвенели. К сожалению, она не могла пожаловаться на свою участь. Хельзе же и вовсе считала перчатки помехой в работе, вечно откладывая их в сторону. Экономка почувствовала на себе чей-то взгляд и обернулась, но увидела лишь безупречно вежливую и прозрачную даму.

Вскоре многие — особенно те, кому по долгу службы приходилось стирать бельё в ледяной воде, — получили по заветному флакону восстанавливающей мази, сделанной на основе плодов одуванчика-шара. Это была пробная партия.

Плод одуванчика-шара полностью оправдывал своё название. Это растение, встречавшееся лишь в сезоны зелёного и белого тумана, выпускало из стебля плоды на длинных тонких «нитках». Казалось, будто к шесту привязана целая охапка воздушных шаров. Из плодов выжимали масло, смешивали его с порошком кровавого клевера, долго растирали, взбивали с водой и варили, пока масса не превращалась в густую мазь.

— Честно говоря, я так и не понял, как эти штуки летают, — ворчал Гвидостурия, взвешивая в руке зелёный плод. — Они ведь совсем не лёгкие.

— Ты обязательно должен искать логику в таком месте? — Фарфаноэрс едва не терял терпение с этим стариком. — Исследуешь это на досуге, а сейчас просто сделай мне мазь.

Разумеется, простые люди не видели тех споров, что вели лорд и его алхимик. Для Фарфаноэрса это было мелочью, но из таких мелочей и складывается жизнь. Те, кто первыми получил заветную мазь, не скрывали радости. Расспросив, как ею пользоваться, некоторые даже начали смазывать обветренные губы.

Поначалу Фарфаноэрс планировал выпустить мазь лишь как временное средство, чтобы постепенно улучшать состав и вводить его в обиход. Но эффект превзошёл ожидания: на него обрушился шквал благодарностей и просьб. Все в один голос твердили: «Хоть бы завтра мазь из одуванчика появилась в списках обмена!»

— Ох... — только и выдохнул Фарфаноэрс.

Почему-то он всё больше чувствовал себя каким-то NPC в сложной игре. Что ж, придётся задуматься о массовом производстве...

<http://bllate.org/book/16116/1590572>